Василий Окулович и Соломан

А как не в да́лечем, дале́чем во Черни́-городе́
А у прекрасного царя у Василья Окуловича
А заводилось пированьё-бал, почесьён стол
А да про тех же про пановей, про улановей,
Да про тех же поганыех тотаровей.
А ише все-де на пиру да напивалисе,
А ише все-де на чесном дак наедалисе;
А ише все-де на пиру да приросхвастались:
А ишше сильней-от хвастат своей силою,
А боґатой-от хвастат золотой казной,
А наезницёк хвастат добрым конём,
А ишше глупой-от хвастат молодой женой,
А [ишше] неразумной-от хвастат родной сёстрой,
А кабы умной-разумной — старой матерью.
А прекрасной царь Василей Окулович
А он по светлое грыдыни похаживал,
Он и белыма руками помахивал,
А он скобоцька о скобоцьку пошшалкивал,
А он русыма кудрями сам натряхивал,
А злаче́ныма персня́ми пошшалкивал;
А он сам говорил, царь, таковы слова:
«А уж вы ой еси, панове-уланове,
Ишше все мои поганые тотарове!
А не знает ле из вас хто мне супружницы,
А не знает ле из вас хто полюбовници:
А статным-де статна была, умом сверсна,
А умом была сверсна, полна возроста,
А лицём она бела — быв как белой снег,
А у ей ясны-ти очи — как у сокола,
А у ей черни-ти брови — как два соболя,
А ресницики у ей — да у сиза бобра:
А ишше можно бы назвать кого царицэю,
А ишше можно кому бы покорятисе,
А ишше было бы кому поклонятисе?»
А ишше большой-от хороницьсе за средьнего,

А ишше средней-от хороницьсе за меньшого,
А от меньшого, браццы, — там ответу нет!
А говорил-то ведь царь-от по второй након:
«А уж вы ой еси, панове-уланове,
Ишше все мои поганые тотарове!
А не знает ле из вас хто мне супружницу,
А не знает ле из вас хто полюбовьницю?»
А и-за той скамейки из-за белодубовой,
А з-за того-де стола из-за окольнёго
А выставал-де удалой доброй молодец,
Кабы на имё детинушка Поваренин,
А по прозванью детина — Торокашко-вор.
А как ставаёт детина на резвы ноґи,
А он низко царю поклоняицсэ:
«А ты прекрасной царь Василей Окулович!
А Вы позвольте мне-ка слово сказать,
А не позвольте миня за слово сказнить,
А сказнити-убить, скоро повесити!»
А говорит-то прекрасной царь Василей Окуловиць:
«А говори-ко ты, детина, тебе що надобно!»
А говорыт тут детина таковы слова:
«А как не в далечом, далечем во Царе-граде
А у пре[кра]сного царя есь у Соломана,
А ишше есь-де царица Соломанида.
А умом она сверсна, полна возроста,
А лицем она бела — быв, как белой снег,
А у ей ясны-ти очи — как у сокола,
А у ей черные брови — как два соболя,
А ресниченьки у ей — как у сиза бобра:
А ишше можно назвать коґо царицэю,
А ишше можно кому бы покорятисе,
А ишше можно кому бы поклонятисе!»
А говорыт-то прекрасной царь Василей Окулович:
«А уж ты глупой же, детинушка Поваренин,
А по прозванью ты, детина, — Торокашко-вор!
А ишше как же у жива мужа жону отоймешь?..»
А говорыт-то детинушка Поваренин:
«А ишше по́ло у жива мужа жена отнять!
А построй-ко-се мне-ка три карабля,

А на карабли клади по три дерева,
А на дерева сади птици райския,
А щобы пели они песни царьския,
А звеличали прекрасного царя и Василия Окуловича!
А на карабли грузи товар всё заморския!..»
А построили ноне три карабля,
А на карабли-те клали по три дерёва,
А на дерева садили птици райския;
А поют же они песни царьския,
А звеличают пре[кра]сного царя Василья Окуловича.
А ступал тут Торокашко на черлены корабли —
А отвалил тут Торокашко за синё морё.
А подходил Торокашко ко Царю-ґраду,
А становилсэ на пристань карабельнюю,
Он пошол-де к царю да ко Соломану.
А Соломана-та в доме не случилосе:
А уехал Соломан во чисто полё.
А говорыл он царицы Соломаниды:
«А уж ты ой еси, царица Соломанида!
А ишше жалую тибя я на черлен карабь
А обченить товары всё заморьския!»
А тут средиласе царица Соломанида,
А пошла-де она на черлен карабь.
А заходила она на черлен карабь,
А осмотрела товары всё заморския;
А ишше где она сидела, тут и заспала.
А отвалил тут Торокашко в-за синё морё —
А идёт Торокашко по синю морю.
А пробудиласе царица середи моря,
А говорыт же она таковы слова:
«А уж ты ой еси, детинушка Поваренин!»
А говорыт же детинушка Поваренин:
«А уж ты ой еси, царица Соломанида!
А я повёз тебя, царицу, за синё морё —
А за нашего царя за Василья Окуловича!»
А говорит-то царица таковы слова:
«А уж ты ой еси, детинушка Поваренин!» —
«А ты не бойсе, царица Солома́нида»!
А подходили ко граду ко Чернигову

А на ту же на пристань на карабельнюю.
А как стречают детинушка Поваренина:
А он привёз-де царицу Соломаниду.
А весёлым-де пирком да и свадебкой...
А приежжаёт Соломан из чиста поля —
А увезёна царица ёґо да Соломанида.
А собиралсэ Соломан на черлен корабь,
А он брал он себе силушки-армеи.
А переходил Соломан за синё морё,
А становил он черлен корабь не на пристань же.
А выпускал-де он силушку по-за ґороду,
А он сам-де ведь силы наговарывал:
«А ишше быдьте вы, силушка, готовая —
И вы услышите рожок да вы туриной же!»
А пошол-де Соломан во Чернигов-город,
Он дошол до полат всё до царскиех,
А он заходил в полаты всё во царские.
А царя-та ведь в доме не случилосе —
А уехал-де царь-от во чисто полё.
А стречаёт царица Соломанида,
А ґоворыт-то царица таковы слова:
«А уж ты ой еси, царь же Соломан же!
Как приедёт ведь прекрасной царь Василей Окулович —
А снимёт у тибя ведь буйну голову!»
А говорит же ведь царь-от Соломан-от:
«А уж ты ой еси, царица Соломанида!
А ишше спрятай-ко меня хоша под перынушку!»
А ишше тут-то цариця не ослышилась,
А навалила на неґо перынушку пуховую.
А приежжаёт-де царь из чиста поля,
А он заходит в полаты в царьския,
А он садицсэ за столы за дубовыя.
А говорит ему царица Соломанида:
«А уж ты ой еси, Василей Окуловиць!
А кабы был эт‹т›а царь Соломан же,
А ишше що же ты с им дак стал делать же?»
А говорыт-то прекрасной царь Василей Окуловиць:
«Ой, я отсек бы у его буйну голову!»
Говорыт тут царица Соломанида...

А открывала перинушку пуховую —
А выпускала царя она Соломана.
А тут скочил прекрасной царь Василей Окулович,
А он схватил-де ведь сабельку вострую,
А замахнулсэ прекрасной царь Василей Окуловиць —
А говорит-то Соломан таковы слова:
«Ах, ты прекрасной царь Василей Окулович!
А не цесть же твоя будёт цярьская —
А що убил же царя ты Соломана!
А ты поди-ко-се ноне да во чисто пулё,
А станови-ко два столбышка дубовые
И перекладинку клади ноньче кленовую,
А вяжи-ко-се три петёлки шелковые
А ишше белого шолку шамахиньского —
А ты повесь-ко царя нонь Соломана:
А ишше цесть твоя, хвала будёт царьская!»
А тут пошли-де ведь нонь во чисто полё,
А закопали два столбышки дубовыя,
А перекладинку клали кленовую,
А три петёлки вязали шелковыя
А ишше белого шолку шамахиньского.
А выводили Соломана на улицу,
А на ту же на улицю широкую,
А посадили на телегу на дубовую,
А повезли-то Соломана во чисто полё.
А говорыт-то Соломан таковы слова:
«А передьни-то колёса ведь конь тенёт,
А и задьни-ти колёса пошто идут?»
А говорыт тут прекрасной царь Василей Окуловиць:
«А говорят, що Соломан-от хитёр-мудёр!»
А довезли тут Соломана до столбышков.
А соходил тут Соломан со телеги же,
А ступал-то Соломан он на первой ступень —
А говорыл же Соломан таковы слова:
«А уж ты ой еси, прекрасной царь Окуловиць!
А Вы позвольте-ко мне-ка в турей рог зыґрать!»
А ґоворыт-то прекрасной царь Василей Окулович:
«А ты играй же, царь нонь Соломан же!»
А заиграл-то царь ведь Соломан-от.

А услыхала его силушка великая,
А зволновалась, зашумела — во поход пошла.
А говорыт-то прекрасной царь Василей Окулович:
«А ишше що это за шум, да що за гам же?»
А говорыт-то царь-от Соломан-от:
«А що на тихиех на вешныех на заводях
А зволновалисе гуси и лебеди».
А как ступаёт Соломан на второй ступень —
А-й говорит-то Соломан таковы слова:
«А уж ты ой еси, прекрасной царь Василей Окулович!
А-й Вы позвольте-ко мне-ка в турей рох зыграть!»
А говорит тут прекрасной царь Василей Окулович:
«А играй-ко-се ты, царь Соломан же!»
А заиграл-то Соломан во турей же рох.
А как ступал-де Соломан на третьей ступень —
А он сам-де говорыл да таковы слова:
«А ты прекрасной царь Василей Окулович!
А ишше дай-ко мине да во турей рог взыграть!»
А заиграл тут Соломан во турей же рох —
А накрывала его силушка великая:
Тут схватили пре[кра]сного царя и Василия Окуловича,
А и схватили царицю Соломаниду,
А и схватили детинушка Поваренина,
А по прозванью-ту детина — Торокашко-вор.
А тут повесили прекрасного царя и Василия Окуловиця,
А и повесили царицю Соломаниду,
А и повесили детинушку Поваренина,
По прозванью-ту детина — Торокашко-вор.
А ишше тут по царю нонь славы поют,
А славы-де поют, старину скажут.

(Зап. А. Д. Григорьевым 19 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Тя́росова Василия Яковлевича, 55 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.